

Мария Бабалова 2 июля 2014

Дмитрий Хворостовский: «Я бежал, закусив удила...»

Самый знаменитый русский певец современности выступит на сцене «Новой оперы». Но петь будет не оперу, а лучшие образцы песенной классики: Пахмутову, Хренникова, Соловьева-Седого, Френкеля, Бабаджаняна...

Вы все лето будете работать?

Почти. Помимо гастролей новые альбомы буду летом записывать и концертные программы готовить.

Какие именно, если не секрет?

В первую очередь, я сейчас занят программой военных песен. Хотя, обдумывая эту идею, сначала я скептически к ней отнесся, потому что самое лучшее из военных песен я уже спел и записал в 2003 году. Но следующий год юбилейный – 70 лет Великой Победы, и я хочу что-то важное сделать, с душой. Я скачал из интернета тысячу военных песен. Потом отобрал 75, затем чуть больше 30. Кажется, интересно получается. Петь перед ветеранами очень ответственно. Они слушают со слезами на глазах, а потом с комком в горле говорят, что твой концерт продлил им жизнь на несколько лет. Такое не забыть. 9 мая я пел в Перми и в какой-то момент почувствовал, как мне трудно справляться с собственными эмоциями. Порой мне кажется, что мой диск военных песен должен продаваться, быть может, с фронтовыми ста граммами.

После программы «Дежавю» вы планируете продолжить сотрудничество с Игорем Крутым?

С Игорем я тоже готовлю новую программу. У него потрясающая работоспособность и фантазия. Он постоянно пишет музыку и фонтанирует замыслами. На ноябрь у него назначено три концерта в Кремле. И там он хочет что-то новое показать. Я призывал его взять какие-то переработки из уже написанного им для меня. Игорь же хочет дуэты с Ларой Фабиан. Я пока точно не знаю, на чем мы остановимся... Вообще для Москвы у меня много задумок. В январе следующего года я задумал концерт памяти великой певицы Ирины Архиповой. Вместе с замечательным пианистом Ивари Ильей сделаю

суперэсклюзивную программу. Как раз летом мы будем над ней работать. Я очень хочу, чтобы в Москве появился памятник Ирине Константиновне. Приложу для этого все возможные усилия. И невозможные тоже.

А что в оперном амплуа вы будете делать?

К сожалению, гастролируя по России, я вынужден выбирать посильный репертуар не для себя, а для местных оркестров. В Нижнем Новгороде, Самаре, других городах я уже спел с десятков концертов с программой советской песни. Публике очень нравится. И я в этом стал находить профессиональный кайф. Я уже почти примирился с мыслью, что, похоже, мне не суждено в России выходить на оперную сцену.

Откуда столько пессимизма?

Пессимизм — прекрасная панацея от звездной болезни... Всякое появление в опере — это всегда зависимость от системы. Чтобы я работал в России, нужно полностью изменить театральную систему, это нереально. Работа, например, в Мариинском театре — это чистый стресс: все без репетиций, в цейтноте и в панике. Я так не привык и не хочу подобного опыта. А что касается Большого театра — совсем не мой театр. Никогда не был моим. Нас ничего не связывает. Но я очень ценю свои выступления в России. С некоторых пор я начал усиленно концерттировать по всей стране. И во многих уголках страны уже есть моя публика, которой я очень дорожу. Хотя, как правило, поездки по России очень тяжелые. Наша страна только на карте кажется единой, но чтобы из Перми добраться до Новосибирска, надо лететь в Москву. Безумие. Но, действительно, умом Россию не понять.

А где вас в опере можно услышать и увидеть?

Я пою последнее время только Верди. В сентябре будет «Травиата» в Париже, зимой — «Бал-маскарад» в Лондоне и «Дон Карлос» в Вене. Весной дубль два: «Травиата» в Вене и «Бал-маскарад» в Нью-Йорке. Как правило, после блока из 5–6 спектаклей я, как в компьютерной игре, выхожу на высший уровень вокального мастерства. После такого марафона я могу все что угодно спеть. Мне уже ничего не страшно.

Какой оперный театр для вас «родной»?

Лучший в мире театр, конечно, — Metropolitan Opera, и нигде я не знал большего успеха, чем в Америке, при всей своей нелюбви к этой стране. Но возможность пожить в родных стенах, в доме моей мечты у меня есть лишь в тот момент, когда я выступаю в Лондоне. Мы относительно недавно переехали в новый дом, причем без меня. Я, как всегда, был на гастролях. Выходит, мой родной театр — Covent Garden.

Почему вы решили сменить дом?

Появилась возможность расширить пространство. Дети растут, нужно больше места. Я думаю, что это окончательное место жительства для нас до моего ухода на пенсию... — Легко говорить о пенсии, когда карьера в зените... — Век оперного певца лимитирован, как у спортсмена. Но карьера не главная ценность жизни. Дом, семья, дети — это настоящее богатство. Теперь я не желаю далеко заглядывать вперед. Я большую часть жизни бежал, закусив удила. Все мои мысли были на 4–5 или даже на 10 лет вперед. Хочу жить просто от сезона к сезону.

Почему?

Потому что иначе и жизнь может незаметно пройти, исчезнуть между гастролями. Я всю сознательную жизнь был рабом своей карьеры. Семья, близкие требуют и ждут от меня помощи, участия и внимания. И сегодня, надеюсь, я могу себе уже позволить снизить степень этого рабства в пользу простых человеческих радостей. Я хочу научиться отделять работу от реальной жизни.

Для вас важно, чтобы ваши дети пошли по вашим стопам?

Самое главное, что дети растут отзывчивыми, любящими людьми. Дети — самое нежное и восторженное, что у меня есть в жизни. Мы живем в любви, и нам очень не хватает друг друга, когда мы в разлуке. Максиму уже одиннадцать лет, Ниночка на четыре года младше. Максим по-своему очень взрослый, глубоко и тонко чувствует. Все, что ему интересно, он познает досконально. Мое желание — чтобы они были здоровы, счастливы и не знали нужды. Еще для меня очень важно, чтобы они хорошо знали и не забывали русский язык. Максим понимает, чего я от него жду и требую, и, как правило, говорит со мной по-русски. Ниночка же, как настоящая женщина, пытается мною манипулировать, но когда понимает, что вариантов не остается, без проблем переходит с английского языка на русский или на французский.

Вы любите, когда ваши близкие бывают на ваших выступлениях?

Да. И часто на моих выступлениях, а в Москве почти всегда, бывают мои родители. Моя супруга Флоранс всегда из зала меня очень поддерживает. Жаль, дети редко бывают — школьные занятия не предполагают кочевой жизни.